

КИНОТУЗОВКА

12 □ Собеседник 50'93

Событием месяца, отделяющего нас от первой «Кинотузовки», стало все значительное и радостно-удивительное, связанное с именем **Отара Иоселиани**: **приезд режиссера в Москву, вручение ему приза фонда Андрея Тарковского, открытие полной ретроспективы его фильмов, последний из которых — «Охота на бабочек», несомненно на французское «гражданство», выдвинут на соискание отечественной «Ники».** **Что подтверждает в официальной форме ошущений личным: творчество мастера, вышедшего с честью советскому кинематографу (слова Тарковского), двенадцать лет назад уехавшего, чтобы работать, во Францию, при этом оставшегося грузинским режиссером («Мой выбор сделан раз и навсегда»), не может быть далекой-неизвестной классикой в стране, где нужно уже напоминать, что, кроме кинотовара, присутствует киноискусство. И слава Богу, есть еще кому напоминать...**

Отар Иоселиани:

Жизнь «в яме» небесноконечна

С Иоселиани хочется говорить наедине. Прилюдные встречи слишком торжественны и суетны. Увы, полтора дня в Москве — мало, поэтому возможным стало лишь это «собирательное» интервью: из спрощенного-сказанного во время пресс-конференции в Доме кино и короткого общения после нее.

— **Отар Давидович, вы родились в Грузии, учились в Москве, подолгу живете во Франции. Помогает ли это в оценке достоинств и недостатков трех хорошо знакомых вам народов?**

— Я вообще с подозрением отношусь к понятию народ, потому что каждый под ним подразумевает ему угодное содержание. Я своим народом считаю тех любимых людей, что мне послал Господь. Прежде всего это семья, соседи, товарищи детства, учителя, университетские друзья — все, кому я благодарен. К сожалению, с возрастом остается очень мало шансов сблизиться с незнакомыми людьми, отдельно от вас прожившими жизнь. Поэтому мой народ — весь в прошлом. И он умирает... Оптимизма я не испытываю: то, что идет на смену, мне видится смутным, тревожным, диким. Единственное, что обнадеживает, — это вера в силу текста. Гомер, Рабле, Толстой, Пушкин существовали давным-давно, но их тексты лично меня от многого удержали и спасли. Я считаю, что нам нельзя терять времени на компромиссы: надо относиться к своей деятельности как к созданию текста, который кому-нибудь когда-нибудь облегчит жизнь.

— **Вы заговорили о компромиссах. Удалось ли вам избежать их в период «французского творчества»?**

— Есть некий предел упругости, дальше которого я могу только сломаться. Пожалуй, я еще не доходил до предела: ни под давлением Госкино, ни под «влиятием» французского продюсера. А помогает нам одно лишь упорство. Хотя это весьма невыгодное качество...

— **Отар Давидович, мы ни разу не слышали внятной версии того, как вы оказались во Франции. Было ли это официальное приглашение, контракт?**

— Я снял картину «Пастораль» в 76-м году и до 82-го ничего не мог делать. Все мои проекты разбивались о стену Госкино СССР, так что поддержка Грузии уже не действовала. Официального приглашения я не получал, просто поехал на показ своих фильмов во французскую синематеку и там встретился с Тонино Гуэррой, замыслившим как раз «Ностальгию» с Андреем Тарковским. Он мне сказал: приезжай, ты там задыхнешься, я устрою вызов, что-нибудь придумаем. Помню свое состояние, когда не выпускали и очень хотелось вырваться: мы по наивности думали, что там совсем по-другому. Я поговорил с Шеварднадзе, тот, «прошушкавшись» с Ермашом (возглавлявшим Госкино), сообщил, что «Ермаш будет рад, если ты уедешь»...

— **Когда-то мы узнали Грузию благодаря вашим фильмам, а вы стали «с их помощью» одним из самых известных в мире режиссеров. Не собираетесь ли вы сегодня снять картину о Грузии?**

— Фильм не придумывается, он зарождается в душе, как веление. Может, это результат подспудных мыслей, невысказанных мучений, но он появляется перед вами, и его надо делать. На фоне того, что происходит на родине, мне очень трудно представить себе картину, которая могла бы «явиться». Нужно время — отойти от круга событий, чтобы вместить его в свое мироощущение... По заказу европейского телеканала «Артэ» я работаю сейчас над большим документальным фильмом о грузинской земле: о ее истории, фольклоре, архитектуре. Когда что-то исчезает, возникает необходимость назвать пропавшее своим именем. Что касается материальной основы, то, наверно, до конца моих дней в Грузии уже не будет условий для профессионального кино, настолько все рухнуло.

— **Отар Давидович, как зародился замысел картины «Охота на бабочек»?**

— Мне нужно было что-то делать с накопившимся материалом о сатанинской силе, наступающей под таким поверхностным названием — прагматизм. Я думал, надо снять фильм об ужасе, который нас ожидает, если прагматизм завоюет мир.

— **Отар, вы говорите: «Если прагматизм победит». Вы считаете, у нас есть шанс победить прагматизм?**

— Я верю в волнообразное движение истории и жизни человеческого духа. Мы сейчас находимся в яме, но в силу биологических, что ли, законов это не может продолжаться долго.

— **Ваши впечатления от наших современных картин?**

— Ради Бога, не спрашивайте меня о них. Я боюсь их смотреть.

— **А что происходит сейчас во французском кинематографе?**

— То же, что и везде: из кино уходят думающие люди.

— **Есть ли у вас надежда, что наше некогда единое культурное пространство оживет, и увидите ли вы свое место в нем?**

— Во всех случаях культуру убить нельзя. Это тот мост, который соединяет людей. Культура эллинская вошла в наши души, хотя Эллады давно уже не существует. Поэтому вопрос скорее в ее носителе. Для того чтобы убогие, обрубленные корни, чудом уцелевшие после десятилетий издевательства, дали ростки, нужны особые, тепличные условия, которых сейчас нет. Мое же дело — работать.

Ведущая полосы
Татьяна
ХАРЛОВА.

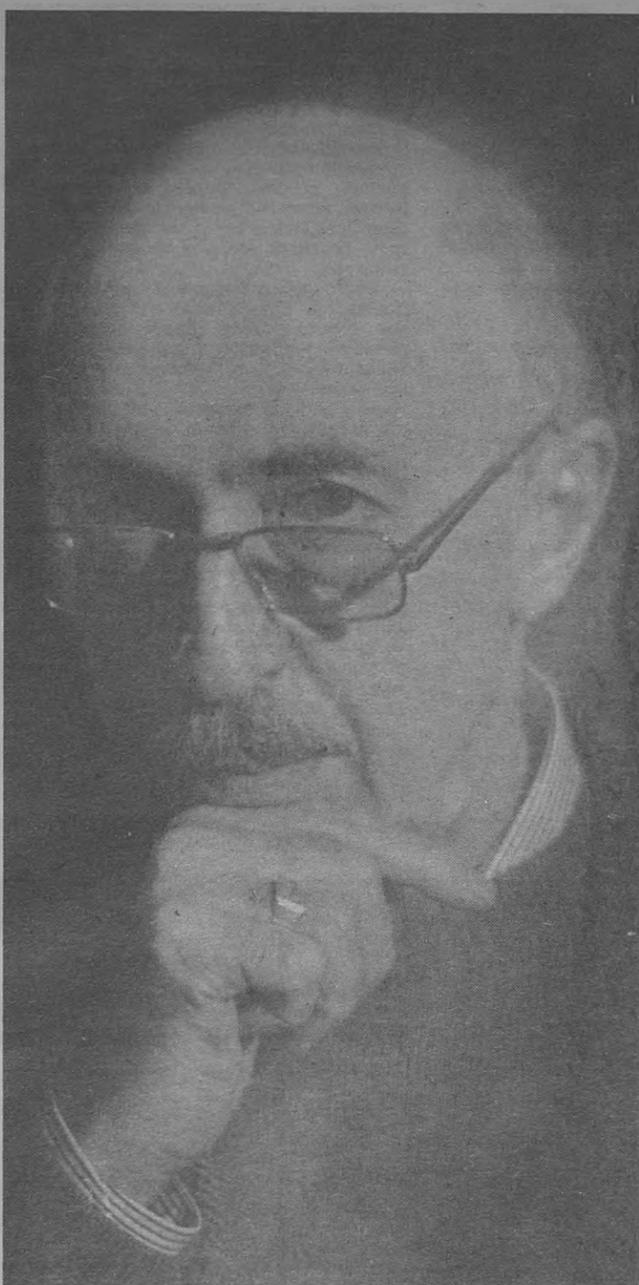

Фото Александра ТЯГНЫ-РЯДНО.

Шире круг!

«Кинотузовка» провела опрос среди студентов разных московских вузов, интересуясь тем, что они знают об Отаре Иоселиани и какие его фильмы видели. Наибольшую эрудицию продемонстрировали во ВГИКе: здесь не только «в курсе» его творчества, но каждый смотрел хотя бы одну картину режиссера. Фильмы Иоселиани, кстати, показывают на всех факультетах во время учебных просмотров. Отношение к творчеству мастера у будущих режиссеров разное: от «грузинское кино, оно и во Франции грузинское кино» до полного обожания. Несмотря на полярность вкусов (особенно среди недавно поступивших), близкое знакомство с искусством Иоселиани во ВГИКе внушает некоторую надежду на небесперспективность «дела кино».

Совсем иная картина выявилась на факультете журналистики МГУ (второй курс). Будущие слушатели пера и телевидения на вопрос, кто такой

Элем Климов:

Мы смотрели, открыв рот...

Есть страны, у которых не получается кино. Просто не рождается кинематографические гении, не снимаются хорошие фильмы. Грузия же в этом смысле совершенно уникальная страна: здесь сложилась особая школа кино, со своим образным языком, стилем, музыкой. Отар Иоселиани — не просто режиссер этой школы, он и среди грузинского кино необычен. Неподобен ни на кого. Один из тех редких сегодня режиссеров, который имеет свое лицо и никогда себе не изменяет. Уже первый его фильм «Листопад» был откровением: негромкая интонация, ироничная и горестная одновременно, внимательный, не «привыкший ко всему» взгляд.

Появился большой художник! Иоселиани снимал и в Грузии, и во Франции, и в Африке, и везде он оставался Иоселиани — не умеющим подлаживаться, не думающим об «успехе». В жизни Отар такой же, каковы его картины: тонкий, добрый, умный, разборчивый в общении, на посторонний взгляд немного замкнутый, верный себе и друзьям. И такой же ироничный, в чем я убедился еще давно, когда мы учились во ВГИКе. Однажды он со своим приятелем так разыграл нас, первокурсников, что мы долго потом не могли опомниться. Они сидели на подоконнике, держали в руках пленку с фонограммой и «читали» ее (что само по себе невозможно): воспроизводили реплики, шумы, музыку, что-то пели... Мы же, открыв рот, смотрели на них в восхищении... А через год я получил первый в своей жизни комплимент. Мы сдавали в актовом зале немой этюд. Моя работа называлась «Жиних» (через «и»), маленькая картина с музыкой Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта». Я, понятно, страшно волновался — после просмотра вышел в вестибюль и нервно закурил. И вдруг увидел, как ко мне направляется некий старшкурник. Он вынул у меня изо рта сигарету, поцеловал молча, потом вставил сигарету

Сосуд

Из киноафоризмов Иоселиани

Такой простой инструмент, как кинематограф, дает возможность сразу же определить, есть у человека совесть или нет.

Каждый фильм — как человеческий характер. И нужно организовывать движение событий, в которых бы этот характер проявился.

Система сюжетосложения, построенная «на интриге», не соответствует самой природе кинематографа. Сценарий умирает в фильме — это неизбежно.

Актеры для меня — такой же компонент, как звук, свет, декорации. Я не могу предложить зрителям кинематографа, который существует лишь в силу присутствия в нем актеров.

Снятый материал состоит из кусков, не ис-

Отар Иоселиани, выдали следующие ответы: политический деятель Грузии (имелся в виду Джаба Иоселиани) — 14 процентов; первый раз слышу — 3 процента; что-то слышали, но точно сказать не могут — 9 процентов; смотрели его фильмы, но не знали, чьи они, — 14 процентов; режиссер, где что снимал, не в курсе — 30 процентов; знают и режиссера, и фильмы, часть из которых видели, — 30 процентов.

Выводы не слишком утешительные, но бодрит то, что многие опрошенные высказывали-таки желание посмотреть картины мастера.

Блиц-пресс-опрос среди студентов технических вузов подтвердил, что творчество Отара Иоселиани среди двадцатилетних, не чуждых желания получить диплом, знакомо только избранному кругу — очевидно, тем, кто «обременен» к тому же идеей самообразования и, несмотря на молодые годы, «жаждет познать Прекрасное»...

Светлана РУЛЕВА.

обратно и ушел. Это конечно же был Отар... То, что студия «Аталанта» занялась продвижением фильмов Иоселиани на наш экран, — и вполне объяснимое желание, и необходимость. Люди соскучились по настоящему кино. Более того, просят показать не просто отдельные фильмы, но целую ретроспективу режиссера, который относится, безусловно, к элите мировой кинокультуры.

P. S. от «Кинотузовки»:

Товарищество «Аталанта» (худрук Элем Климов, директор Мариана Чугунова) при поддержке конфедерации союзов кинематографистов, киносоюзов России и Москвы, а также Российского комитета по кинематографии организовало первую в стране полную ретроспективу фильмов Отара Иоселиани, для которой были восстановлены грузинские варианты картин «Листопад» и «Жил-был певчий дрозд», отреставрированы короткометражки, а на «Мосфильме» сделаны копии картин, не уступающие по качеству эталонным и фестивальным. В Москве, Воронеже, Саратове, Кирове в течение двух месяцев зритель увидит: «Акварель» (1958), «Цветы» (1959), «Апрель» (1962), «Чугун» (1964), «Листопад» (1966, премия ФИПРЕССИ на МКФ в Каннах в 68-м), «Жил-был певчий дрозд» (1970, лучший зарубежный фильм в Италии в 72-м), «Старинные грузинские песнопения» (1970), «Пастораль» (1976, премия ФИПРЕССИ на МКФ в Берлине в 81-м), «Семь песен для черно-белого кино» (1982), «Страна басков» (1982), «Фавориты Луны» (1984, Большой специальный приз на МКФ в Венеции в 84-м), «Маленький монастырь в Тоскане» (1988, приз Эрик Пульчиньони на МКФ в Венеции в 88-м, приз SCAM за лучший французский док. фильм 88-го года), «И стал свет» (1989, Большой специальный приз на МКФ в Венеции в 89-м), «Охота на бабочек» (1992, премия итальянской кинокритики на МКФ в Венеции в 92-м, Европейская премия Международной ассоциации экспериментального искусства в Гамбурге, премия Берлинской академии искусств, премия комиссии министерства культуры Италии за качество в искусстве...).

пытывающих никакого тяготения друг к другу, и приходится подыскивать каждому из них пару. Монтаж (составление композиции, мозаики) — самое главное, самое важное занятие в кино.

Кинематограф — искусство отмирающее. Уходя все дальше от условного, метафорического языка, оно становится лишь тенью жизни.

Игра в пессимизм — главная особенность искусства. Если вы работаете, значит, у вас есть адресат. Следовательно, вы не полный пессимист. Каждый играет в него как умеет.

В кино у вас ничего не получится, если вы не чувствуете себя так, будто несете зрителям сосуд, полный какой-то драгоценной влаги. И если вы сумеете устоять и даже, споткнувшись, удерживать ваш сосуд, чтобы не расплескаться, — значит, вы достигли своей цели.